

Она сформирована в две стадии минералообразования: серебро-полиметаллическую и золото-серебряную. Максимум полиметаллического оруденения приходится на центральную часть и южный фланг жильной зоны, локализованные в пределах интрузии габбродиоритов. Золото-серебряное оруденение приурочено к северному флангу жильной зоны и литологически контролируется субвулканическими дациандезитами. Выявлено пять рудных тел длиной до 300 м, мощностью до 3,35 м, прослеженных на глубину до 250–300 м, с содержаниями золота до 10,6 г/т, серебра 138,3 г/т (максимальное – золота 194,1 г/т, серебра 3605,2 г/т). В целом, для рудного поля характерна минералогическая зональность, выраженная в смене в жилах кварца на карбонат и уменьшении количества сульфидов от центра к флангам.

Рудные минералы представлены пиритом, сфалеритом, галенитом, халькопиритом, теннантитом, тетраэдритом, фрейбергитом, борнитом, самородным золотом, аргентитом, арсенипиритом, пирротинитом, марказитом, гесситом, пруститом. Вертикальный размах оруденения составляет для золото-серебряного оруденения 300 м, для серебро-полиметаллического 500 м. Уровень эрозионного среза жильной зоны Определяющей и большей части месторождения определен как верхнерудный, а на флангах – надрудный. Наиболее богатые золото-серебряные руды характеризуются отношением золота к серебру – 1 : 15, рядовые – 1 : 100 (2).

В заключение можно сказать, что:

1. Сереброносные руды – один из перспективнейших видов природного сырья для горнорудной промышленности Камчатского края. Прогнозные запасы более 15 000–25 000 т;
2. Конъюнктура 2000 г. – 4,950 USD/тр. унция, 2014 г. – 22,5USD/тр. унция или 26,01 руб./г;
3. Безотходные технологии. Взяться за золото – с ним повсеместно серебро. В месторождениях серебра – повсеместно золото;
4. Сравнивая структурно-текстурные, минеральные и вещественные характеристики руд месторождений Камчатки с известным гигантом – полиметаллическим месторождением Дука в Магаданской области, находим, что аналогичная с ним Камчатка также может стать лидером в России по добыче серебра.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (программа стратегического развития ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» на 2012–2016 гг.).

1. Гимадеев Ш. Ш. 33 года на севере Камчатке (из воспоминаний геолога) // Горный вестник Камчатки. 2013. Вып. 4 (26). С. 99.
2. Карта полезных ископаемых Камчатской области масштаба 1 : 500 000. Краткая объяснительная записка. Каталог месторождений, проявлений, пунктов минерализации и ореолов рассеяния полезных ископаемых. Петропавловск-Камчатский ; СПб. : Изд-во картфабрики ВСЕГЕИ, 1999. 563 с. (МПП России, Камчгеолком).
3. Константинов М. М., Наталенко В. Е., Калинин А. И. и др. Золото-серебряное месторождение «Дука». М. : Недра, 1998. С. 204.
4. ЗАО «КамГолд» [Электронный ресурс]. Режим доступа: zolotokamchatki.ru
5. Российское Агентство Информации «КАМЧАТКА-ИНФОРМ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: kamchatinfo.com

Е. Р. Островская ЮЗЕФ КОПЕЦ – «ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ»

Отбывая под начальством Костюшко священную обязанность защитника своей родины, я, раненый в кровопролитной битве при Мацейовицах, попался в плен и сделался печальным узником дикой и безлюдной Нижней Камчатки (6)

В 2014 г. исполняется 220 лет польскому национальному восстанию под руководством Тадеуша Костюшко (12 марта – 16 ноября 1794 г.). Это восстание, как известно из польской истории, – начало долгой борьбы ее народа за восстановление своей независимости. Последствием подавления

восстания была ссылка царскими властями в восточные регионы Российской империи, включая Сибирь и Дальний Восток, многих его участников.

Окончательное поражение польских повстанцев соединенными усилиями регулярных армий России и Пруссии произошло 29 сентября (10 октября) 1794 г. в районе укрепленного населенного пункта Мацейовице. Тысячи повстанцев погибли, в плен попали раненый Т. Костюшко с ближайшими сподвижниками, а также 200 офицеров и около 2 тыс. младших командиров и рядовых. Среди них был и наш «знакомый незнакомец» поручик Пинской бригады, трижды раненый в этом бою, Юзеф Копец.

Имя костюшковца Юзефа Копця хорошо знают в Польше и отчасти в Европе, чего не скажешь о России, где он известен лишь специалистам-историкам. Даже на Камчатке, где Ю. Копец отбывал ссылку, о нем мало кто слышал, а ведь им написаны записки, озаглавленные в стиле той эпохи длинно и подробно «Описание путешествия Иосифа Копця вдоль всей Азии, напролет от Охотского порта по океану, через Курильские острова, до Нижней Камчатки, а оттуда обратно до того же самого порта на собаках и оленях».

Цель этой статьи – по имеющимся в нашем распоряжении весьма немногочисленным источникам составить биографию Ю. Копця и подробнее остановиться на «камчатской» части его записок. К сожалению, на Камчатке нет архивных документов, поэтому приходится руководствоваться, в первую очередь, статьёй историка Иркутского Государственного университета Болеслава Шостаковича, посвященной 200-летию польского восстания 1794 г., а также двумя известными очерками – «В стране вулканов» из книги В. П. Грицкевича «От Немана к берегам Тихого океана», где крайне мало ссылок на исторические документы, и «В кибитке на Камчатку» из книги польских исследователей Я. Худзиковской и Я. Ястера «Люди великой отваги», изданной в Варшаве в 1955 г. (!), хотя и с некоторыми оговорками, так как последний написан как художественное произведение, не содержит ссылок и отмечен рядом географических неточностей.

Юзеф Копец родился в 1762 г. в Пинском воеводстве Речи Посполитой (сегодня это территория современной Белоруссии) в семье обедневших шляхтичей. В 16 лет он, следуя семейным патриотическим и военным традициям, начал воинскую службу рядовым во 2-й (так называемой Пинской, а позднее Литовской) Бригаде Национальной Кавалерии, связав с нею свою профессиональную и человеческую судьбу. Его воинская служба пришлось на трагичный период постепенной ликвидации Речи Посполитой в результате начавшихся ее разделов между тремя соседствующими державами и попыток возникших передовых сил противодействовать этому процессу. В составе своей бригады Ю. Копец участвовал во всех основных военных кампаниях по защите отечества. После поражения в войне с Россией в 1792 г. бригада оказалась интернирована на территории Украины, а весь личный ее состав, включая Ю. Копця, был насильно приведен к присяге на верность российскому престолу.

Во время польского восстания 1794 г. под предводительством Т. Костюшко Ю. Копец взял на себя командование бригадой, в которой он пользовался доверием, пройдя с нею, по его словам, «напролом» с территории Российской империи за реку Западный Буг, а затем соединившись с войсками Т. Костюшко. «Вскоре Копец был повышен в звании до бригадира, что являлось тогда чином между полковником и генерал-майором и по более поздним представлениям стало приравниваться к генеральскому званию. Он по-прежнему командовал своей бригадой, неоднократно отличался в ответственных сражениях и был удостоен почетных наград» (5). В книге В. П. Грицкевича приводится следующий факт: «Храбрость офицера была отмечена золотым перстнем с надписью: “Отчизна – своему защитнику”. Эту награду ввел Т. Костюшко, чтобы заменить ею королевские ордена. Перстень бригадира под номером 8 ныне хранится в Музее Войска Польского в Варшаве, как драгоценная реликвия» (1). В плен Ю. Копец как уже упоминалось ранее, попал после поражения под Мацейовицами – в «несчастной для поляков битве», по словам переводчика его записок Г. А. Воробьева.

«Участников восстания, находившихся под арестом или оказавшихся на положении военнопленных, Тайная экспедиция (Тайная экспедиция Сената – высший орган политического сыска в тогдашней России. – *Е. О.*) строго делила на две категории. К первой категории были отнесены лица, которые в момент задержания являлись подданными короля Станислава Августа, конкретно – Т. Костюшко и другие руководящие деятели инсurreкции (инсurreкция – вооруженное восстание. – *Е. О.*), а также их секретари и адъютанты. Они содержались в Петербурге в непосредственном ведении Тайной экспедиции, которая и вела следствие под руководством генерал-прокурора А. Н. Самойлова. Во вторую категорию были выделены те, кто являлся российским подданным до

1772 г. Или стал им после двух первых разделов Речи Посполитой. Ими занималась Смоленская следственная комиссия, созданная по именному указу Екатерины II и подчиненная все той же Тайной экспедиции» (2).

Ю. Копец попадал под вторую категорию. Его действия были квалифицированы как дезертирство, так как он, несмотря на присягу, отказался воевать на стороне России, уведя свое воинское подразделение к повстанцам. На допросе пленный сказал, что к присяге императрице «силой принужден был», но «любовь к отечеству заставила меня забыть об этом» (6).

И далее: «Чем же я, несчастный, виноват, что судьба родила меня поляком, что я от юных лет был отдан в войско своего народа и, служа в течение двадцати лет, научился быть верным родине, от коей получил жизнь, имя, состояние и все, что может иметь счастливый человек, и ужели я так неблагодарен, что по ее призыву не встал бы на ее защиту?» (там же).

По приказу Екатерины всех пленных поляков решено было развести по разным губерниям российской империи – в отдаленные города, где не проходили бы большие дороги, в каждый по одному человеку. Ю. Копец пишет: «На меня был наложен титул секретного арестанта. Один номер без имени. Такой арестант у них – величайший преступник. С ним никто, под самым страшным наказанием, не может не только разговаривать, но даже и знать, как он называется и за что взят» (там же). Местом ссылки ему определили Нижнекамчатск. Большую часть пути узник находился в кибитке. В ней он уже проделал путь от Киева до Смоленска, а после оглашения приговора в ней же он отправился в ссылку – через Москву, Казань, Тобольск, Иркутск. «Она походила на сундук. Снаружи обита кожами, а внутри железными листами. Только сбоку было окошечко для подачи воды и пищи, да на дне другая дыра для спуска (*dla spadu*). Сиденья в сундуке никакого не было. А так как раны мои еще не зажили, то дали мне мешок с соломой» (там же). От Иркутска до р. Лены его везли, судя по его запискам, уже в коляске (возможно, в повозке. – *Е. О.*). Лишь последний тяжелейший сухопутный участок от Якутска до Охотска он проделал верхом на лошади.

5 июля 1795 г. А. Н. Самойлов направил циркулярное письмо губернаторам и генерал-губернаторам тех губерний, в которые отправлялись в ссылку поляки. Вскоре начали прибывать рапорты с мест о присланных туда поляках. Сведения были регулярны, однотипны и весьма кратки. «От всех других отличается письмо Иркутского генерал-губернатора Людвиг Нагеля. 1 декабря 1796 г. он сообщал А. Н. Самойлову: “На сих днях получил я от Охотского коменданта рапорт, что отправленные той области по городам на житье секретные арестанты в Нижнекамчатск Иозеф Копец, в Гижигинск Фадей Городненский, в Тигильскую крепость Ян Зенкович, в Апланск Иозеф Алхимович доставлены в Охотск благополучно и в следующие места на транспортных судах под присмотром судовых руководителей в августе месяце отправлены, но там все они в каком состоянии приняты, по неполучению за отдаленностью мест рапортов, ничего донести Вашему сиятельству не могу”. В данном случае четкому выполнению предписаний помешали, так сказать, объективные обстоятельства, в целом же государственная машина работала без сбоев» (3). Здесь возникает вопрос относительно датировки данного письма. Предполагаю, что в тексте допущена опечатка, так как известно, что в ноябре 1796 г. Ю. Копец, освобожденный по приказу вступившего на престол Павла I, отбыл с Камчатки. Вероятно, письмо датируется 1795 г.

В Охотске арестанта погрузили на корабль, принадлежащий иркутской купеческой компании, дав ему в сторожа матроса. Судно не дошло ещё до Нижнекамчатска, как на нём закончились запасы пресной воды, и было решено зайти в Большерецк. Стоянка продолжалась несколько дней. Камчадалы, которые были приставлены к ссыльному в качестве сторожей, узнав, что он поляк, рассказали ему историю его земляка Мориса Беньовского. Именно они побывали с Беньовским в Париже, а затем вернулись на родину.

Выйдя опять в море, судно попало в шторм и потерпело крушение. Это случилось в районе Курильских островов (предположительно, о. Шумшу. – *Е. О.*). Спасся Ю. Копец благодаря своему стражнику – опытному мореплавателю. Жители острова с радушием встретили всех спасшихся, пригласив их в свои жилища и угостив разнообразной едой: «тут было более всего морской зверины, приготовленной в жире морских собак, морских коней и разных лягушек» (6). Автор особенно отмечает печенье улитки (морские съедобные ракушки. – *Е. О.*).

По прибытии в Нижнекамчатск Ю. Копца встретил комендант, которого, как он пишет, невозможно было узнать, так как он был в туземной одежде. И вот еще интересный момент, о котором упоминает автор. По его словам, жена коменданта сошла с ума и с тех пор содержалась взаперти. Это была женщина из Малороссии, по происхождению поляка.

Вот как Ю. Копец описывает отведенное для него жилье: «Здесь я нашел два круглых окна

из слюды, каменный столик, лавки по стенам, в середине камин, который служил вместе и печью, так что, бывало, когда натопят дровами – затыкают трубу, и дом нагревается. Было еще одно окно вверху из глыбы льда, оно облеплялось снегом с водою и довольно долго сохранялось» (6). Сторожа заменял ему хозяин дома, русский, который жил с ним через стену. Именно он помог ссыльному на первых порах обустроить свой быт, тем более, ссыльный привез с собой запас «тютюна» (название дешевого табака. – *Е. О.*), который можно было выгодно обменять. Кстати, это в тексте табак автор называет только этим словом. «Стал я бодрее, сознавая, что от нужды и голоду не умру» (там же). У него хватало свежей и копченой рыбы, оленьего мяса и молока, ржаных сухарей, ягод. Упоминает он и ледоватый сахар (переводчик Г. В. Воробьев делает примечание, что это особый род сахара, существующий также и в Польше, немного прозрачный, кристалловидный). Привыкший к особенностям национальной кухни, Ю. Копец из ягод, которые, по его словам, походили на бруснику (возможно, клюква. – *Е. О.*), делал кислый напиток, употребляя его вместо уксуса к рыбе.

Когда хозяин дома отсутствовал, сторожили ссыльного два камчадала, совершенно не говорившие по-русски, что крайне его угнетало, так как в довершение ко всему у него не было ни книг, ни пера, ни чернил. Потянулись грустные однообразные дни. Хозяин начал учить поляка читать по-русски, но продолжалось учение до тех пор, «пока, – как пишет Ю. Копец – не ослаб зрением от дыма вулканов и морских паров, которые на столько густы, что, кажется, будто их можно осознать рукою» (там же). Видя, что ссыльный находится в крайне угнетенном моральном и физическом состоянии, комендант разрешил ему «три раза в неделю прогуливаться по берегу океана», конечно, под присмотром своих сторожей. Далее он в своих записках рассказывает о своих прогулках по морскому берегу, где особенно он любил бывать «перед наступлением бури. Тогда показывались из моря тысячи животных: киты, моржи, или морские львы...» (там же).

Возникает закономерный вопрос в достоверности этих сведений, ведь известно, что Нижнекамчатск был расположен в 27 км от океана. Но нужно помнить, что свое пребывание на Камчатке Ю. Копец описывал после возвращения из ссылки, полагаясь на воспоминания. Вероятно, поэтому некоторые сведения нуждаются в корректировке или уточнении. Это отмечает в своей статье и Б. Шостакович. Но только представьте, как много информации пришлось вмести в себя человеку, даже не ведавшему ранее об этой части света.

Поэтому, возможно, это его воспоминания о прогулках вдоль берега океана во время пребывания в Охотске: «для того чтобы я привык к морскому воздуху, комендант велел часто водить меня гулять к морю» (там же). Также это могло быть и во время остановки в Большерецке.

И вот еще один достаточно сомнительный факт. В своих записках Ю. Копец пишет следующее: «При мне отправили в Японию корабль с выброшенными полтора года тому назад на берег Камчатки японцами... в течение двухлетнего моего пребывания в Нижней Камчатке корабль воротился, а капитан, который был в дружбе со мною, подарил мне копию карты оконечности Азии, составленной по разным путешествиям Кука, Лаперуза, по карте испанской экспедиции и на основании его собственного путешествия в Японию. Много мне рассказал этот капитан о своей поездке и о приеме в Японии» (Там же). У Я. Худзиковской и Я. Ястера, а потом и у В. П. Грицкевича мы читаем, что ссыльный был рад каждому новому человеку, попадавшему в Нижнекамчатск, а далее в обоих источниках говорится, что моряк Олесов, бывший в экспедиции А. И. Лаксмана, подарил ему эту карту. «Олесов подарил Копецу карту Северо-Востока Азии, составленную им самим... по всей вероятности, именно эта карта наряду с шестью рисунками вошла в берлинское издание 1863 г. Судно “Дневников Юзефа Копеца” , пополненная автором схемой маршрута путешествия и рядом примечаний. Нетрудно убедиться, что карта не является особенно точной и значительно отличается от современных, подробных карт этого района» (4).

Понятно, что речь идет об экспедиции в Японию первого русского посольства под руководством поручика Адама Лаксмана на галиоте «Святая Екатерина». Эта экспедиция началась в Охотске в 1792 г., а закончилась в 1793 г. также в Охотске без захода в Нижнекамчатск. Налицо несовпадение и маршрута, и дат. Можно предположить следующее. Как известно, А. Лаксман в 1786–1795 гг. служил исправником в Гижигинске, где занимался метеорологическими исследованиями, собирал сведения о вулканических явлениях на Камчатке и др. В этот период он побывал в вышеуказанной экспедиции. В 1794 г. А. Лаксмана с отцом вызвали в Санкт-Петербург, где он получил чин капитана. В 1796 г. он возвратился в Гижигинск, где и мог встретиться с нашим героем, который возвращался из ссылки и, как известно по его запискам, останавливался на несколько дней в Гижигинске. Но из каких источников возникла фамилия Олесова? Тем более, что сам Ю. Копец пишет о капитане, а Олесов, как известно, был в экспедиции Лаксмана штурманом.

Интересно в записках даются описания быта и обычаев жителей Нижнекамчатска, их способов ловли рыбы, пушного зверя, птицы, собирания и заготовки яиц, дикоросов, ягод: «В числе последних есть одна превосходнейшая на вкус – называется морошка. Растет она на болотистых островах, походит на нашу малину, но в три или четыре раза крупнее ее... ягоду морошку и головы рыбы чевичи посылают в подарок иркутскому генерал-губернатору» (6). В подробностях приводит Копец способ приготовления водки из борщевика. А вот один из примеров, рассказывающий о том, как местные жители коптят и хранят убитую птицу: «...копают рвы, кладут пахучее дерево, связывают птиц по паре жилами и коптят на жердях. Не будучи в состоянии съесть добычу сразу, раскапывают землю на полтора локтя и прячут ее туда до весны и сохраняют. Птицы эти так вкусны, как отборнейшие пулярьды» (жирные, откормленные кастрированные курицы. – *Е. О.*) (6).

В некоторые праздники местный комендант устраивал «балы», на которые приглашал, за неимением другого общества, «тамошних мужчин и женщин». Упоминает Ю. Копец о том, что «за недостатком железа и огнива, камчадалы добывают огонь посредством трения дерева о дерево, для чего имеют при себе серу и особый вид высушенной травы, которая горит, как лен (кипрей. – *Е. О.*)» (там же). По его словам, многие из них до сих пор пользуются топорами из кремня. Способ добывания соли, который он описывает, отличается от тех сведений, которые мы встречаем в других исторических источниках: «Соль производят из деревьев, выброшенных морем: их жгут, из пепла готовят щелок и последним обливают рыбы головы, предназначенные для соления. Камчадалы и другие местные народы не любят соли, и в пищу ее мало употребляют» (там же).

Неизгладимое впечатление произвели на Ю. Копца вулканы: «У самой Нижней Камчатки, близ реки того же имени, впадающей в море и постоянно переполненной лавою, находится вечно действующий вулкан (Ключевская сопка. – *Е. О.*). Только в темную ночь вулкан дает себя видеть в своем убранстве. Вся его фигура светится, как фонарь, все очертания его ясны, и видно, как он или выбрасывает лаву вверх, или же разливается» (там же). Во время его пребывания в Нижнекамчатке произошло сильное землетрясение: «Вулкан гремел необычайно, а вода в Камчатке и даже океане значительно уменьшилась. Принесло потом массу ржавчины, которая покрыла едва не всю окрестность Камчатки толщиной в несколько дюймов и оставалась в продолжение нескольких дней» (там же). Действительно, в те годы в этом районе наблюдалась большая вулканическая активность. Это подтверждают и исторические сведения, оставленные многими исследователями.

Скучный быт, недостаток общения, чужая суровая местность и отсутствие всякой надежды на освобождение заставили ссыльного всерьез задуматься о возможности побега.

«Осенью дни серые, а ночи темные. Море бывает наиболее бурливое, слышится непрерывный плеск волн и страшнейший шум океана. Когда вал разобьется о берег, то потрясается вся Нижняя Камчатка. Коль скоро ударит вал, и море зашумит, тотчас несколько сотен домашних собак, – которые летом кормятся рыбою на морских берегах и остаются там до поздней осени, – завоют, а в некотором отдалении отзовутся медведи. Вулкан же в это время непрерывно гремит и выбрасывает огонь. Что за ужасная картина! и каково тогда положение человека?!» (там же). К счастью, этот план, изначально безумный, не был исполнен ввиду его сложности. А через некоторое время судьба ссыльного изменилась.

Павел, вступив на престол, сразу же объявил амнистию большой группе осужденных, в первую очередь Т. Костюшко и его ближайшим сподвижникам. «Кроме того, уже 10 ноября 1796 г. Павел приказал Н. И. Салтыкову, А. Н. Самойлову и А. А. Безбородко рассмотреть “преступления содержащихся поляков” и сделать общее заключение, кого можно освободить. 29 ноября 1796 г. последовал указ Сенату, в котором говорилось: “Приняв намерение оказать милость нашу подпавшим под наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств, повелеваем всех таковых освободить и отпустить в прежние их жилища, а заграничных, буде пожелают, и за границу”. Повеление императора стало немедленно выполняться» (3).

Неожиданная перемена судьбы вызвала у больного ссыльного такое сильное потрясение, что он потерял сознание. Некоторое время спустя у него в доме собралось большое количество народа, спешившего его поздравить, многие принесли небольшие подарки. После богослужения Ю. Копец решил отблагодарить собравшихся, сделав какое-то угощение, а именно и «польский пунш». «За пуншем каждый начал вспоминать со слезами свою отчизну. Священник и комендант наиболее скорбели, ибо не надеялись видеть ее совсем. Священник потому, что навсегда был прислан (ему было около 80 лет. – *О. Е.*), а комендант – потому что, вследствие продолжительного уже здесь пребывания, не надеялся долго протянуть благодаря дыму вулканов и нездоровому воздуху» (6). Известно, что в это время комендантом был Крылов, который писал рапорты высшему начальству

с просьбой уехать с Камчатки, мотивируя тем, что морской местный климат и соседство постоянно извергающихся вулканов являются ядом для всякого человека, повергая его в уныние и даже вызывая болезненные припадки.

Однако радость по поводу получения свободы была быстро омрачена, когда Ю. Копец узнал, что еще не так скоро сможет вернуться на родину. Корабль, привезший ему свободу, уходил в большое плавание, из которого должен был вернуться только через два, а может быть, даже три года и только тогда смог бы взять ссыльного на борт. Надежды дождаться в ближайшее время другого корабля почти не было. Надо было запастись терпением. Но помог случай. Буквально через несколько дней к камчатским берегам причалил поврежденный, пригнанный штормом английский корабль. Устранив повреждения, корабль снялся с якоря. Комендант о подобного рода случаях должен был сообщать генерал-губернатору в Иркутск. Не имея в своем распоряжении судна, он в первых числах ноября 1796 г., когда замерзли берега океана, решил выслать рапорт сухопутной экспедицией. Ю. Копец решил воспользоваться этим случаем, хотя комендант не хотел отпускать его по причине, что ни один европеец не в состоянии перенести такое путешествие. Это было действительно опасное предприятие. Из числа нескольких подобных экспедиций, отправленных в предыдущие годы, только две достигли цели. На собачьих упряжках нужно было ехать по суше – из Нижнекамчатского острога на западное побережье Камчатки, затем – до Гижигинской губы и по северному побережью Охотского моря. Это был тяжелый, но хорошо известный сухопутный маршрут, по которому везли ясак. Добавлю, что в книге Я. Худзиковской и Я. Ястера в описание маршрута вкралась принципиальная неточность.

«Комендант приказал запрячь около 300 собак и оленей, собрал вооруженную свиту, переводчиков, всего до 30 человек, а также заготовил на 3 месяца для людей и собак сушеной рыбы и оленьего мяса» (6). Попрошавшись со всеми, Ю. Копец занял место в специально сделанных для него санках «у которых закрытое помещение обложили оленьими и медвежьими шкурами, так что оно немногим разнилось от нашей кареты, было очень теплое и даже имело окно из слюды» (там же). С ним еще были две косматые собаки, которые согревали его, и несколько фляжек спирта. В конце этого двухмесячного, полного приключений и лишений путешествия Ю. Копец прибыл, наконец, в Охотск, откуда после отдыха он добрался до Якутска, а оттуда уже известным ему сибирским трактом возвратился на родину.

Во время пребывания в Нижнекамчатске Ю. Копец сумел собрать большую коллекцию минералов и камчадалской одежды – «несколько платьев, в которых сивиллы (шаманки. – *Е. О.*) отправляют свои обряды: из коры, перьев морских птиц, слюды, рубашек из кишек» (там же). К сожалению, только немногие из этих ценных экспонатов ему удалось довести до родины, так как большую их часть отобрал комендант Охотска.

По возвращении из ссылки Ю. Копец, для которого существовал запрет на проживание в крупных городах империи, жил в разных местах – сведения из имеющихся источников несколько разнятся, поэтому выстроить последовательную картину представляется затруднительным. Но совершенно точно, судя по его запискам, он жил на Вольни – вначале в Порыцке в имении польского просветителя и общественного деятеля Тадеуша Чацкого, которому он отдал часть своей коллекции. Другую ее часть, по его словам, он оставил в Пулавах. Как известно, в Пулавах находилось имение князей Чарторыхских. В книге «Люди великой отваги» упоминается, что эта коллекция впоследствии попала в собрание Ягеллонской Академии в Кракове (Ягеллонская Академия – первый польский университет, основанный в Кракове в 1364 г., ныне Ягеллонский университет. – *Е. О.*). Затем он гостил у участника польского восстания Александра Ходкевича, потом в Литве у своего родственника Томаша Вавржецкого, близкого друга и сподвижника Т. Костюшко, у князей Радзивиллов в Несвиже.

Спустя несколько лет после возвращения из ссылки Ю. Копец приступил к написанию своих воспоминаний, оконченных, судя по пометке в подлиннике, в 1810 г. При жизни самого Ю. Копца в 1821 г. был опубликован лишь фрагмент записок, тогда же он появился в русском переводе. Полностью одна из редакций записок оказалась изданной в 1837 г. во Вроцлаве и озаглавлена – «Дневник путешествия Юзефа Копца вдоль всей Азии напролет до порта Охотска по океану через Курильские острова до Нижней Камчатки, а оттуда возвращение до того же самого порта на собаках и оленях». Написанные им записки начали приобретать европейскую известность уже вскоре после выхода в свет. Вторым по очередности стало издание «Дневника» на французском языке.

В дальнейшем популяризации записок своего земляка способствовал великий польский поэт Адам Мицкевич, который построил на их основе две лекции для своих известных «курсов славянских литератур», читавшийся в Париже в начале 1840-х гг. Здесь можно предположить некую

связь – из исторических источников известно, что имение Видзы-Ловчинские, принадлежащее Томашу Вавржецкому, у которого гостил Копец, находилось недалеко от имения дяди А. Мицкевича – Маевского, к которому А. Мицкевич, будучи студентом Виленского университета, регулярно приезжал. Б. Шостакович пишет, что «...именно Мицкевич впервые ввел в обиход определение польской “ссылочной литературы”, “чрезвычайно интересный” образец которого он усмотрел как раз в сибирском “Дневнике” Ю. Копця» (5). Тот же А. Мицкевич сравнил Ю. Копця с итальянцем-карбонарием Сильвио Пеллико, автором хрестоматийно известной по всей Европе книги воспоминаний «Мои темницы», рассказывающей о его заключении в тогдашней австрийской крепости-тюрьме Шпильберг. Другой великий польский поэт-романтик Юлиус Словацкий, вдохновившись записками ссыльного костюшковца, создал в своей символической поэме «Анхелли» картины сибирской природы и быта.

На протяжении почти ста лет записки Ю. Копця выдержали более десяти изданий во Вроцлаве и Париже, Берлине и Львове и др. Позднее, проводя анализ этих изданий, исследователи пришли к выводу, что ряд из них повторяет краткую версию записок по первоначальному, вроцлавскому, изданию «Дневника». Вместе с тем, существует более обширный и полный вариант тех же записок Ю. Копця, опубликованных в 1863 г. в Берлине.

Б. Шостакович обращает внимание, что все упоминаемые издания записок Ю. Копця выходили за пределами Российской империи, где был наложен строгий запрет на эту книгу. Русский перевод записок, опубликованный в журнале «Исторический вестник», был выполнен славистом-археологом Григорием Александровичем Воробьевым в 1896 г. Он использовал раннее польское издание «Дневника», вышедшее во Вроцлаве в 1837 г. (или Бреславле, как назвал его он сам), и представляло краткую версию записок, которые уже в ту пору, по его утверждению, представляли большую редкость. Но даже такой текст при переводе подвергся заметным сокращениям и переименованиям. По утверждению Г. А. Воробьева, невозможно было передать текст «Дневника» на другой язык в том порядке, который существует у автора – «Копец не был литератором, и, по-видимому, употребление сабли ему было более знакомо, чем употребление пера. Поэтому в стилистическом отношении труд его оставляет желать многого» (6). Эта отечественная публикация, как отмечает в своей статье иркутский ученый, не привлекла к себе большого внимания общественности, в том числе не получила она и какой-либо оценки в качестве исторического источника.

«Совершенно удивительно и парадоксально то, что одновременно с данной русскоязычной публикацией записок ссыльного костюшковца официально объявлялось... о запрещении к распространению “Дневника” Ю. Копця в России! Так, львовское издание 1899 г. значится в реестре запрещенной литературы того же года. О том же свидетельствует запретительная помета на экземпляре парижского издания 1867 г. в Публичной библиотеке (прежней Императорской) в Петербурге. Интересно было бы выяснить, каким образом при столь категоричном гонении на записки Копця, более столетия раздражавшие власть придержащих в России, им удалось появиться на страницах самого распространенного русского научно-популярного исторического журнала» (5).

Умер Юзеф Копец в 1827 г. и был погребен на католическом кладбище родового имения в Лушнево, которое находится ныне в Белоруссии – в Браславском районе Витебской области, к северу от агрогородка Опсы и в 5 км от дер. Дрисвяты. Это имение принадлежало его семье вплоть до 1867 г., пока император не передал его староверам за их позицию в польском восстании 1863 г. Могила была отреставрирована в 2007 г.

Записки, написанные польским ссыльным, давали европейскому читателю едва ли не одно из первых представлений о неизведанном крае. Европа была знакома с этим далеким уголком земли благодаря труду выдающегося русского ученого С. П. Крашенинникова, чей труд «Описание земли Камчатки» в 1764 г. вышел в сокращенном виде в немецком издании. Юзеф Копец, волею судеб попав сюда, написал свои воспоминания, дополнив уже имеющиеся сведения своими наблюдениями и впечатлениями, пусть не научными, но человеческими, без которых картина жизни нашей удивительной Камчатки в XVIII в. была бы менее полной.

1. Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана / В. П. Грицкевич. Минск. : Польша, 1986. 303 с.
2. Дьяков В. А. Т. Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице (1794–1798) // Славяноведение. 1995. № 5. С. 67–75. Библиогр. : с. 75.
3. Макарова Г. В. Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России // Славяноведение. 1994. № 3. С. 43–50; РГАДА. Ф. 7. Д. 2869. Ч. I–V.
4. Худзиковская Я. Люди великой отваги / Я. Худзиковская, Я. Ястер. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1957. 301 с.

5. *Шостакович Б.* Иркутские страницы «Дневника» ссыльного костюшковца Юзефа Копця. К 200-летию польского восстания 1794 года // Земля Иркутская. 1995. № 3. С. 60–62; Каталог рассмотренных иностранной цензурой сочинений запрещенных и дозволенных с исключениями с 1-го июля 1871 г. по 1-ое января 1897 г. СПб., 1899. С. 468.

6. [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info>. Записки бригадира Иосифа Копця // Исторический вестник. 1896. № 10. / Текст Воробьев Г. А.

В. В. Петрашева, Т. С. Дегай **СТАРЫЕ И НОВЫЕ РЕАЛИИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИНЕ** **ТИГИЛЬСКОГО ПРИХОДА**

Ньюрел (Newrel) – так называется международный проект программы BOREAS/EVROCORES, инициированный Европейским фондом науки.

Проект объединил усилия многих ученых и специалистов, а также привлек внимание к особенностям религиозного развития на Российском Севере. Начиная с 2006 г. у научно-исследовательских групп, работающих в различных регионах России, была уникальная возможность делиться опытом, методиками изучения очень деликатного вопроса в российской истории – грандиозного и практически политически управляемого социального эксперимента в развитии религиозного движения. Ученые России, Франции, Норвегии, США, Канады, Эстонии и ряда других стран в своих университетах в течение нескольких лет проводили круглые столы, рабочие группы, конференции по результатам исследования Международного проекта «Новые религиозные движения на русском Севере: религиозная конкуренция в постсоциалистическом пространстве».

На Камчатке работали две научно-исследовательские группы: одна под руководством профессора Университета Фербенкса Патрика Платте и наша группа в составе профессора этого же университета Дэвида Коэстера, его аспирантки Татьяны Дегай (ныне докторанта Университета Аризоны, г. Тусон, США) и В. В. Петрашевой – представителя КФ ТИГ ДВО РАН.

Наша исследовательская программа была поддержана Национальным фондом США (NSF), а также значительное содействие в реализации проекта было оказано Камчатским филиалом Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Камчатской краевой Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера. Совершенно бесценны консультации и поддержка камчатского Архиепископа Петропавловского и Камчатского Игнатия, духовенства Петропавловской и Камчатской епархии, протоиерея Василия Гончара и протоиерея Ярослава Левко.

В рамках международного научного исследования, проведенного в Камчатском крае, была подготовлена и выпущена книга: «Церковь, вера и современная жизнь: воспоминания и рассказы из Тигиля. Записи 2006». Это исследование о возникновении, утратах и возрождении в общине Тигильского прихода, который с середины XVIII в. считался одним из религиозных центров Камчатского полуострова.

Мы не можем не выразить огромную благодарность тем, кто щедро поделился своими воспоминаниями и терпеливо ждал публикации.

Воспоминания жителей Тигиля и ныне не существующих национальных сел – Утхолок, Седанка Оседлая, Белоголовое, Напана, которые были переведены на жительство в Тигиль, на первый взгляд простые и безыскусственные, на самом деле полны житейской мудрости и опыта. В повествованиях каждого проявляются события истории Камчатки и Российского Севера. Кого-то за это короткое время уже не стало с нами. Поэтому их рассказы и воспоминания обретают для сегодня живущих еще большую значимость. Вот их имена: Надежда Баранова, Владимир Брагин, Надежда Чаткина, Вера Юшина, Лидия Козинец, Аграфена Ивашова, Павел Кривошёков, Мария Логинова, Мария Руденко, Дина Асеева, Анна Яганова, Андрей Яковлев.

В памяти информантов, а большинство из них родились в 30–40-е гг. XX в., запечатлелись картины и факты из истории жизни в камчатской глубинке. Воспоминания многоплановы. Они содержат сведения исторические, этнографические, антропологические, культурные, демографические, описывают хозяйственные занятия коренных жителей, их повседневную жизнь и быт, окрашены в эмоциональные тона, так что никого из читателей не оставят равнодушными.

Сохранившиеся знания в воспоминаниях, возможно, не отражают всей полноты прошлой и настоящей жизни сельчан, но в них проявляется целая эпоха со всеми ее катаклизмами, утратами, достижениями.